W 500/2200

2007050480

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина
15244
Ж
W 500/2200
Ф14480-35

Юрій Крижаничъ и современная дѣйствительность.

Имя Юрія Крижанича вводитъ критическую мысль изслѣдователя въ тотъ кругъ идей, какимъ жила и думала сознательная Россія въ половинѣ XVII вѣка, когда въ средѣ лучшихъ представителей интеллигенціи начинало быстро расти, подниматься и искать выхода чувство глухого недовольства всѣмъ современнымъ строемъ русской жизни, всѣми московскими порядками.

Сочиненія Крижанича являются драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для бытовой исторіи Россіи второй половины XVII вѣка, такъ какъ они даютъ яркую характеристику своеобразнаго русскаго быта и всего лучше описываютъ происшедшій въ этой жизни внутренній переломъ.

Однако задача настоящаго краткаго очерка сводится не къ подробному и всестороннему обслѣдованію значенія личности и дѣятельности Крижанича въ исторіи русской жизни и просвѣщенія, но лишь къ констатированію нѣкоторыхъ политическихъ и экономическихъ его идей, которыя, какъ высказанныя человѣкомъ, глубоко вѣрившимъ въ великое будущее русскаго народа и всего славянства, пріобрѣтаютъ особенный интересъ въ переживаемый Россіей историческій моментъ.

Наступилъ величайшій моментъ новѣйшей исторіи. Русскому народу предстоитъ рѣшить вопросъ о жизни или смерти славянства. Близится осуществленіе благородной мечты ряда поколѣній о политическомъ объединеніи разрозненныхъ націй и внутреннемъ ихъ возрожденіи. Идеалы лучшихъ умовъ и поэтовъ осуществляются въ прекрасной дѣйствительности.

При воспоминаніи объ этихъ лучшихъ представителяхъ человѣчества имя Крижанича не должно быть обойдено молчаніемъ. Хорватъ по происхожденію, даровитый ученый и ревностный исповѣдникъ католицизма, Крижаничъ въ то же время является боль-

шимъ самостоятельнымъ мыслителемъ, во многихъ вопросахъ ушедшимъ далеко впередъ отъ доминирующихъ сужденій XVII вѣка. Историкъ и философъ, богословъ и юристъ, экономистъ и политикъ онъ привлекаетъ къ себѣ невольное вниманіе изслѣдователя и симпатіи читателя.

Должно замѣтить, что до послѣдняго времени политико-экономическіе взгляды Крижанича представляются въ литературѣ то въ видѣ искреннихъ и яркихъ идей панславизма [1]), то въ видѣ іезуитскаго служенія во славу Бога и католической церкви, только прикрываемаго славянскими чувствами и настроеніями [2]).

Однако не является ли крайностью и то и другое сужденіе, и не вѣрнѣе ли будетъ посмотрѣть на этого ученаго хорвата, какъ на „иностранца"—славянина, заброшеннаго судьбою въ далекую Московію и здѣсь воочію убѣдившагося въ исключительномъ положеніи русскаго народа среди всего славянства? Несомнѣнно, Юрій Крижаничъ былъ ревностнымъ и убѣжденнымъ католикомъ. Но не менѣе очевидно, что онъ былъ и искреннимъ славяниномъ, чуткимъ къ безотрадному положенію своихъ сородичей [3]).

Въ личности Крижанича своеобразно переплетаются преданность папскому престолу вѣрнаго католика съ родственной и глубокой симпатіей къ русскому народу славянина. Далекая и невѣдомая, но чудесная Московія влечетъ къ себѣ его не только, какъ широкое поле для пропаганды идей католицизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ близкая и родственная ему, могучая уже въ то время славянская держава. Дважды предпринималъ Крижаничъ далекое и трудное путешествіе изъ Рима въ Москву чрезъ Вѣну, Варшаву и Смоленскъ. Эти далекія, но почти все время совершавшіяся по славянскимъ землямъ путешествія воочію убѣдили Крижанича въ тяжелой политико-экономической судьбѣ южнаго и западнаго славянства, а продолжительное пребываніе въ Сибири, куда онъ былъ отправленъ изъ Москвы въ почетную ссылку, дало ему возможность тщательно изучить историческое прошлое всего славянства, критически взвѣсить современное ему положеніе послѣдняго и пророчески провидѣть высокую и славную роль русскаго народа въ дѣлѣ политическаго возрожденія и возсоединенія всего славянскаго міра.

При этомъ сужденія Крижанича о современной ему Россіи имѣютъ особенное и исключительное значеніе, ибо онъ, какъ иностранецъ, скажемъ словами Ключевскаго, „могъ описать русскую

---

[1]) См. Біогр. Юрія Крижанича въ „Правосл. Собесѣдн" за 1870 г., изслѣд. проф *П. Безсонова.*

[2]) *В. И. Пичетъ.* Юрій Крижаничъ. Стр. 7. Ср. 2—3. СПБ. 1914.

[3]) *Н. Костомаровъ.* Русск. Ист. вып. V, стр. 430. СПБ. 1874.

жизнь, выставить наиболѣе замѣтныя черты, наконецъ, высказать непосредственное впечатлѣніе гораздо лучше и полнѣе, нежели люди, которые приглядѣлись къ подобнымъ явленіямъ и смотрѣли на нихъ со своей домашней, условной точки зрѣнія“ [4]).

Объ историческомъ прошломъ своихъ сородичей Крижаничъ высказывается съ гордостью и полнымъ сознаніемъ величія славянскаго міра. Убѣжденный славянинъ, онъ ставитъ славянство на высокій пьедесталъ, оставляющій гдѣ-то внизу другіе народы. Славянство произошло, по Крижаничу, отъ нѣкоего Словена: „нашъ первой отецъ Словенъ... и отъ него, не отъ иного народа, есть изишелъ нашь народъ“ [5]). Крижаничъ считаетъ униженіемъ для славянства мнѣніе, будто предки наши происходятъ отъ скиѳовъ [6]). Не болѣе правдоподобнымъ представляется ему и свидѣтельство лѣтописи о призваніи на Русь варяговъ въ качествѣ князей. „Не можаху Новоградцы“, замѣчаетъ при этомъ Крижаничъ: „николи быть тако глупы, да бѣху были то учинили... За что владаніе свое, дотолѣ соединено, раздѣлиша на трое?... Становито по раздѣленію не сильнѣи, но паче слабли постаютъ народы“ [7]).

Таковы маловѣроятныя, но характерныя для убѣжденнаго славянина данныя о происхожденіи и первыхъ дняхъ жизни славянства.

Какія же племена входятъ въ составъ единаго славянскаго міра? Такихъ племенъ шесть: „Русы, Ляхи, Чехи, Болгары, Сербы и Херваты“ [8]). Съ одушевленіемъ повѣствуетъ Крижаничъ о томъ, какъ распространяли славяне свои владѣнія на западъ и на югъ, какъ они широкою волной текли „къ Славянскому“ (Нѣмецкому) морю и разселялись „въ Поморіи, и въ Ляской (въ Ляшской), въ Слезской (въ Силезіи), въ Ческой (въ Чехіи) и въ Муравской (въ Моравіи) земляхъ“ [9]), какъ двигались они за Дунай, „были страшны грекамъ“. разбивали ихъ и занимали „всю Иллирію, Мисію, Далмацію, Истрію, Паннонію и большую часть Дакіи, Ѳракіи и Македоніи, области, въ коихъ живутъ и понынѣ“ [10]).

---

[1]) *В. О. Ключевскій.* Сказанія иностранцевъ о Россіи, стр. 9. Москва, 1865.

[5]) *Крижаничъ.* „Русское государство въ половинѣ XVII в.“, ч. I, стр. 346. Изд. П. Безсонова. Москва 1859. Проф. Безсоновъ въ 1859 г. нашелъ основной трудъ Крижанича подъ названіемъ „Политичны думы“ и немедленно издалъ его въ „Русской Бесѣдѣ“ подъ общимъ, но довольно неточнымъ заглавіемъ: „Русское государство во второй половинѣ XVII в.“, съ существенными сокращеніями. Для удобства цитаціи, такъ какъ послѣдняя ведется по изданію проф. Безсонова, является болѣе цѣлесообразнымъ оставить и данное имъ названіе сочиненія и дѣленіе на части. Примѣч. автора.

[6]) Ibid. I, стр. 340—341.

[7]) Ibid. I, стр. 342.

[8]) Ibid. I, стр. 144; ср. II, стр. 2 и 74.

[9]) Ibid. II, стр. 114.

[10]) Крижаничъ. „О промыслѣ“, стр. 86—87. Изд. П. Безсонова. Москва. 1860.

Наоборотъ, чувство глубокой горечи и негодованія охватываетъ Крижанича, когда онъ описываетъ дальнѣйшую несчастную судьбу современнаго ему южнаго и западнаго славянства. „Одни наши“, говоритъ онъ: „живутъ доселѣ, но плачевнѣйшимъ образомъ, ибо всѣ, жалко смотрѣть, служатъ чуждымъ народамъ, и родной языкъ потеряли, а чужимъ не выучились, и потому почти вовсе не умѣютъ говорить, и за это со стороны прочихъ народовъ считаются въ ряду скотовъ, ни во что не цѣнятся“ [11]).

Этими „чуждыми народами“, которые неограниченно и безчеловѣчно властвуютъ надъ славянами, являются нѣмцы. Нѣмцы, по убѣжденію Крижанича, вѣковѣчный и злѣйшій врагъ славянства; поэтому онъ подробно и обстоятельно останавливается на характеристикѣ этого врага, на его отношеніяхъ къ славянству и въ частности къ русскому народу, наконецъ, на необходимости рѣшительной и безпощадной борьбы съ нимъ.

Характеризуя нѣмцевъ, Крижаничъ называетъ ихъ „гордыми, надутыми, достойными осмѣянія и суетными владыками міра“ [12]). „Это—самые гордые и нестерпимые презиратели прочихъ народовъ“ [13]). Особенно же характерной чертой нѣмцевъ является холодная, сознательная и безчеловѣчная жестокость: „Мы“, говоритъ Крижаничъ: „опоясаны въ жизни такими врагами, у которыхъ все занятіе и вся жизнь есть ни что иное, какъ рать и грабежъ“ [14]). Военачальники ихъ настолько проникнуты, такъ сказать, жестокостью, что являются какъ бы „огнедышущими и гложущими желѣзо“ [15]). Дисциплина же рядового войска, по словамъ Крижанича, всѣмъ извѣстна: „для ратниковъ свободно всякое разбойничество. Ежедневно нападаютъ на людей, обираютъ, бьютъ, покрываютъ ранами, колютъ не только поселянъ, но и самихъ знакомыхъ, которые полагаютъ, что ихъ особа должна быть священна. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ обиралъ весьма многихъ знатныхъ въ собственномъ ихъ домѣ, обрѣзывалъ имъ пальцы, руки, уши, и послѣ, будучи обвиненъ ими, но давши воеводѣ или писарю денегъ, выпутался на свободу“ [16]).

Итакъ, характерными чертами нѣмца являются низкій эгоизмъ и сознательная жестокость.

Эти основныя свойства нѣмецкаго характера нигдѣ не проявляются столь краснорѣчиво и убѣдительно, какъ на судьбѣ славянства. Съ точки зрѣнія эгоизма нѣмцы считаютъ себя народомъ

---

[11]) Ibid. стр. 86.
[12]) „Русск. государство въ пол. XVII в.“, II, стр. 195.
[13]) Ibid. II, стр. 251.
[14]) Ibid. II, стр. 317.
[15]) „О промыслѣ“, стр. 112.
[16]) Ibid. стр. 98.

высшимъ по сравненію съ славянами, смотрятъ на послѣднихъ, какъ господа на рабовъ, унижаютъ, презираютъ ихъ и властвуютъ надъ ними; съ точки зрѣнія сознательной жестокости они ненавидятъ славянъ въ самой сильной степени, такъ что ихъ завѣтною мечтою представляется совершенное уничтоженіе славянства.

Славяне, по взгляду нѣмцевъ,—варвары, которыхъ „есть треба токмо бить, аще хощешь, да ти добро здѣлаютъ“ [17]), „народъ воровскій, разбойничій, лживый, фальшивый, пьяный, развратный, безстыдный, нечистый, свинскій“ [18]), „скоты“ [19]), „не мужи, а дохлыя собаки, грибы, пометъ“ [20]). „Я бывалъ съ ними“, говоритъ Крижаничъ, „много тысячъ разъ: и почти всегда принужденъ былъ выслушивать, какъ они честятъ нашъ народъ собаками, свиньями, ослами, пронизывая всѣми возможными ругательствами и клеветами“ [21]). „Никто такъ не обиженъ нѣмцами“, съ горечью и гнѣвомъ восклицаетъ онъ: „какъ мы“ [22]). „Они выжили насъ изъ цѣлыхъ державъ: изъ Муравы, изъ Поморія, изъ Слезка, изъ Прусовъ. Въ Чехехъ мало что уже словенскаго рода остаетъ въ градехъ. А у ляховъ всѣ грады есуть полны нѣмцевъ“ [23]). Нѣмцы унизили славянъ до такой степени, что послѣдніе стыдятся своего языка: „своими собачьими угрызками и притѣсненіями они довели большую часть нашихъ славянъ, живущихъ между ними, до отчаянія, такъ что сіи послѣдніе стыдятся своего языка и рода, многіе скрываютъ свое отечественное происхожденіе и выдаютъ себя за людей иного народа“ [24]). Это господство нѣмцевъ является еще болѣе ужаснымъ потому, что соединяется съ необычайной, нечеловѣческой ненавистью ко всему славянству и особенно къ русскимъ: „нѣмцы все наше славянское племя, и преимущественно сіе славное царство (т. е. русское), ненавидятъ непримиримою, вѣчною, демонскою ненавистью“ [25]).

Авторъ не довольствуется однимъ констатированіемъ преобладанія нѣмецкаго міра надъ славянскимъ, но пытается выяснить и его причины. Крижаничъ удивляется, „какой хитростію нѣмцы ослѣпили насъ“ [26]), и приходитъ къ выводу, что основная причина господства нѣмцевъ и всего нѣмецкаго среди славянъ есть слѣпое

---

17) „Русское государство въ пол. XVII в.“, I, стр. 2 и 74.
18) Ibid. II, стр. 158.
19) Ibid. II, стр. 106.
20) Ibid. II, стр. 157.
21) Ibid. II, стр. 251.
22) Ibid. I, стр. 182.
23) Ibid. I, стр. 215; ср. II, стр. 114.
24) Ibid. II, стр. 186.
25) Ibid. II, стр. 260—262; ср. 155—156.
26) Ibid. I, стр. 34.

довѣріе славянъ инородцамъ. или „чужебѣсіе“ [27]). Нарисовавъ потрясающую картину того, что инородцы сдѣлали со славянствомъ, Крижаничъ заключаетъ: „ино вѣдь ни едного народа нѣсть подъ солнцемъ, у коего бѣху инородники толику честь и вѣрованіе имали, и толику любовь пріемали; и гдѣ бы чужебѣсіе толику силу имало, яко имаетъ у насъ“ [28]). Русскій народъ—самый сильный, русское государство—самое могучее въ славянскомъ мірѣ, но и это „славное русское царство [29]) не свободно отъ указаннаго порока“. „Здѣсь на Руси“, говоритъ Крижаничъ: „безъ всякой необходимости допускается селиться инородцамъ и пришельцамъ еретикамъ, которые вовсе не годятся для сего царства и не приносятъ ему никакого добра, но въ тысячѣ случаевъ вредъ и укоры“ [30]). Нѣмцы въ русской землѣ захватили въ свои руки торговлю: „торговство все суть завладали“ [31]). Нѣмцы господствуютъ въ русскомъ войскѣ: въ „военныхъ службахъ боля мѣста суть превзяли“ [32]). Самое русское царство хотятъ разорить злобные враги, намѣреваясь поставить иностраннаго государя [33]). Словомъ, нѣмецкое иго страшнѣе и ужаснѣе монгольскаго: „кая изъ тѣхъ двѣхъ обидъ (т. е. нѣмецкаго ига и татарскаго) вящу щету (бо́льшій вредъ) приноситъ царю господарю и всему народу, язъ (я) не могу судить... А со временемъ не вѣмъ, аще не будетъ и много щетнѣя (гораздо вреднѣе)“ [34]).

Отсюда является безусловная необходимость положить рѣшительный конецъ гибельному господству нѣмцевъ. „Нѣсть требы дать ся въ конецъ облудить и обвуздать отъ единыхъ нѣмцевъ“, т. е. не нужно даваться, чтобы насъ въ конецъ одурачили и обуздали нѣмцы [35]). Пришла пора намъ учиться самостоятельно [36]). Здѣсь высокій, благородный и могучій образъ славянина вновь поднимается во весь свой богатырскій ростъ въ душѣ Крижанича. „Мы не знаемъ“, восклицаетъ онъ: „силы своего народа, если бы знали себя, не были бы много разъ унижены.... чудеса могли бы сдѣлать“ [37]).

Чѣмъ же можетъ славянскій міръ соперничать съ нѣмецкимъ? „Мы должны“, говоритъ Крижаничъ: „соперничать съ нѣмцами

---

[27]) Ibid. I, стр. VI—VII. Предговоріе.
[28]) Ibid. II, стр. 209; ср. 205–220.
[29]) „О промыслѣ“. 9.
[30]) Ibid. стр. 66.
[31]) Русск. государство въ пол. XVII в. II. стр. 92.
[32]) Ibid. II, стр. 92.
[33]) Ibid. I, стр. 188.
[34]) Ibid. I, 374—375.
[35]) Ibid. I, стр. 76.
[36]) Ibid. I, стр. 110.
[37]) Ibid. I, стр. 119—120.

хозяйственностью, простотою, скромностью, и мужескою воздержностью въ образѣ жизни, въ одѣяніи, и во всей утвари, употребительной въ жизни.... отмѣнными способами вооруженія и ратнаго дѣла“ [38]). Особенно подробно останавливается Крижаничъ на „ратномъ дѣлѣ“: „будемъ соперничать красивымъ, полезнымъ, истинновоинскимъ способомъ и учрежденіемъ ратнаго дѣла и вооруженія; проворствомъ конницы; превосходствомъ оружія: именно отрядами конницы, устроенной самымъ лучшимъ способомъ по образцу гусаровъ и козаковъ.... Не строи нѣмецкіе, а строи гусарскіе и козацкіе стяжали бы нашему народу блескъ и добрую славу. А пѣхотныя роты.... всѣ въ одеждѣ удобнѣйшей для перенесенія стужи и дождей, не въ цвѣтной, а въ такой, гдѣ достоинство зависѣло бы отъ покроя“ [39]). Главное же преимущество, коимъ славянство превосходитъ нѣмецкій міръ, это—высокій и благородный гуманизмъ какъ свойство, совершенно противоположное чудовищной нѣмецкой жестокости. „Злодѣямъ“, говоритъ Крижаничъ, обращаясь къ нѣмцамъ: „нельзя безнаказанно совершать злодѣяній и притѣсненій добрыхъ,—дѣло дозволительное въ вашей разнузданной и безпорядочной свободѣ. Скажите, нѣмцы: во всей вашей свободѣ есть ли что-нибудь правое, честное или полезное государству, что одинаково не было бы дозволительно и намъ, въ равной мѣрѣ съ вами? А то, что намъ недозволительно совершать безнаказанно преступленій,—это самое и есть истинная и высочайшая свобода“ [40]). Вотъ, что ставитъ славянство на мѣсто нѣмецкой жестокости и „изобрѣтательнѣйшей испорченности“: „доброго войводы настояніе (обязанность) есть: 1-е, да за праведну причину воюетъ: 2-е, да невинныхъ людей щадитъ: 3-е, да церкви и дѣвицы щититъ (защищаетъ): 4-е, да своихъ вояковъ крови щадитъ: 5-е, да ся надъ пораженіемъ непріятелевъ не радуетъ и не хвастаетъ: 6-е, но да мыслитъ, яко всяко обладаніе отъ Бога идетъ“ [41]). Какой поучительный урокъ „варвара“—славянина XVII вѣка для „культурной“ Германіи XX вѣка! И эта высокая нравственная свобода, этотъ благородный гуманизмъ, столь свойственный славянству, долженъ восторжествовать, по убѣжденію Крижанича. И онъ восторжествуетъ! Но какимъ образомъ? Кто докажетъ, что „злодѣямъ нельзя безнаказанно совершать злодѣяній“, если южное и западное славянство такъ унижено нѣмцами, что стыдится даже имени „славянинъ“? Здѣсь проницательный взоръ Крижанича направляется къ тому славянскому племени, къ тому народу, который, несмотря на всѣ злоухищренія нѣмцевъ, несмотря на всю ихъ непримиримую нена-

---

[38]) Ibid. II, стр. 164—167.
[39]) Ibid. II, стр. 167—168.
[40]) Ibid. II, стр. 169 - 170.
[41]) Ibid. I, стр. 88.

висть, стоитъ свободный и сильный, готовый отомстить за униженныхъ братьевъ, воскресить къ новой жизни погибшее было славянство. Это—народъ русскій.

Русскій народъ, искони независимый и сильный, не только не подпадетъ, по убѣжденію Крижанича, подъ ужасное нѣмецкое иго, но самъ явится тѣмъ могучимъ богатыремъ, который объединитъ нѣкогда все славянство. Будучи „едного языка и едного народа... зъ остальными словенцы, зъ Ляхли, зъ Поднѣпрянми, съ Херватми и иными“ [42]), „Русаки“ обладаютъ, по сравненію съ ними, большей мощью и лучшей формой правленія: „Яко русское владаніе есть луче (лучше) отъ ляшскаго“ [43]). „Сіе правовѣрное преславное боголюбного нашего царя Господаря и Вел: Князя Алексѣя Михайловича В: В. и М: и Б: Р: Самодержца Кралевство есть несмѣрно честито ...и счастно: або въ немъ есть совершенно самовладство (самодержавіе)“. По убѣжденію Крижанича, русскій царь заботится не только о своемъ народѣ, но и о всемъ славянствѣ: „объ чести сего нашего кралевства, и всего славянскаго народа печаль носимъ и промыселъ чинимъ“ [44]). Онъ—„всѣмъ Народный Отецъ“ [45]), „который можетъ освѣтлять (отомстить) и прославить не токмо сіе царство (русское), но и весь народъ словенскій“ [46]). Крижаничъ самъ пришелъ къ нему, какъ „къ единственному царю своего племени, своего языка“ [47]). Посему онъ вдохновенно обращается къ царю Алексѣю Михайловичу: „Честитый царю, ты еси яко ангелъ Божій!“ [48])... „На тебе единого.. смотрѣніе всего народа словенскаго. Ты яко отецъ изволи носить скорбь (заботу) и чинить промыселъ на разсыпанныхъ дѣтей: да ихъ соберешь. Носи скорбь (заботу) на маненыхъ (обманутыхъ) и чужими лестми облуженыхъ (одураченыхъ): да имъ разумъ привержешь (возвратишь)... Ты реку единъ, о царю, сада (теперь) намъ еси отъ Бога данъ. да Задунайцемъ, и Лямомъ, и Чехомъ пособишь: да учнутъ познавать утиски (притѣсненія) и остуды (униженія) своя, и объ освѣтлѣнію (о просвѣщеніи) народа промышлять, и Нѣмецкій яремъ изъ вратовъ змѣтать (сбрасывать съ шеи)“ [49]). „А ляхи“, продолжаетъ онъ: „много легле (легче) и скорѣе ся хотятъ зъ нами помирить: и господаря благовѣрнаго царевича на свое кралевство пріять, а народы... оттолѣ

---

[42]) Ibid. I, стр. 259.
[43]) Ibid. I, стр. 273 278; ср. II, стр. 259 и сл.
[44]) Ibid I. стр. 310.
[45]) Ibid. II, стр. 6.
[46]) Ibid. II, стр. 9.
[47]) „О промыслѣ“, стр. 39.
[48]) „Русск. Государство въ пол. XVII вѣка, I, стр. 305..
[49]) Ibid. II, стр. 115—116.

хотятъ и жадать (будутъ желать) жить за твоимъ, царю честитый, тако благимъ, разумнымъ и милосерднымъ господствомъ“ [50]).

Таковы политическіе идеалы Крижанича, какъ убѣжденнаго славянина. и таковы его свѣтлыя мечты!

На ряду съ политическими идеями Крижанича обращаютъ на себя вниманіе его экономическіе взгляды.

Основнымъ источникомъ экономическаго благосостоянія русскаго народа, на планомѣрномъ развитіи котораго особенно настаиваетъ Крижаничъ, служитъ земледѣліе – „тежачество“: „тежачество есть всему богатству корень и основаніе: тежакъ бо кормитъ и богатитъ и себе, и реместника, и торговца, и боляpина, и краля“ [51]). Однако этотъ источникъ народнаго богатства не приводитъ къ желаннымъ результатамъ въ виду необыкновеннаго распространенія въ народной средѣ страшнаго по своей гибельности порока—пьянства. „Всѣ нашего рода люди, за Дунаемъ и предъ Дунаемъ, Сербы, Хорваты, Ляхи и Русы, суть еднакового уроженія... Али еднако же нить у Нѣмцевъ, нить у Бѣлоруссовъ, нить остальныхъ словенцевъ, нить индѣ гдѣ на свѣту, окромъ единыя Русскія державы, нигдѣ ся не видитъ тако скаредно піянство: да бѣху ся по улицамъ во блату утоплены валяли мужи и жены, мірски и духовны, и да бѣху многи отъ пьянства умирали“ [52]).

Что же за причина того, что „нигдѣ на свѣту нѣсть тако мерзкого, бридкаго (отвратительнаго) и страшнаго пьянства, яко здѣсь на Руси?“ [53]). Причина пьянства—„корчемное самотержіе, илити кабаки“ [54]). Весь трагизмъ народной жизни неразрывно связанъ съ кабакомъ: „Тыя адда вся злости (несчастья), и несподобіе (неудача) и грѣхоты, щеты (убытки), и остуды (униженія) всего народа изходятъ изъ проклятого Корчемного Самотержія“ [55]). Крижаничъ въ справедливомъ возмущеніи называетъ кабакъ проклятымъ: „тая же причина—постановленіе проклятыхъ кабаковъ, проклятыхъ мовлю кабаковъ, або ся на нихъ ни отъ рода нѣсть толико вина продано, колико ся есть для ради нихъ корви (крови) проліяно“. Народъ русскій, увлеченный пьянствомъ, несетъ въ кабакъ послѣднее достояніе: „они же, аще когда съ колико пѣнязцевъ соберутъ, и въ кабачный адъ придутъ. тогда ся въ конецъ збѣсятъ, да и рухлядь, кую имаютъ дома, и сукно изъ хребта (одежду съ плечъ) пропіютъ“ [56]).

---

[50]) Ibid. I, стр. 306.
[51]) Ibid. I. стр. 41.
[52]) Ibid. I. стр. 300; ср. стр. 161.
[53]) Ibid. I, стр. 297; ср. ст, 176.
[54]) Ibid. I, стр. 297.
[55]) Ibid. I, стр. 299—300.
[56]) Ibid. I, стр. 298.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. Ленина

Ясно представляя себѣ всю гибельность пьянства, Крижаничъ считаетъ дѣломъ первой необходимости уничтоженіе кабаковъ. „Первая", говоритъ онъ. „слободина будетъ: еже хочемъ прочь знесть Корчемное Самотержіе" [57]). Однако опытный экономистъ Крижаничъ прекрасно понимаетъ, какимъ чувствительнымъ ударомъ для государственнаго бюджета явится это „знесеніе корчемнаго самотержія", а потому онъ не менѣе рѣшительно признаетъ необходимость изысканія новыхъ источниковъ и средствъ для пополненія государственныхъ доходовъ. „Али при томъ есть треба", продолжаетъ Крижаничъ: „да грады промышляютъ, како бы нашей кралевской казнѣ щеты (убытка) не было" [58]).

А въ другомъ мѣстѣ онъ высказывается по данному вопросу еще опредѣленнѣе: „первле неже мы прочь знесемъ самотержіе, и иная нѣкая тяготы (повинности): треба есть да вы всѣ общимъ соизволеніемъ произъявите намъ: кій начинъ бысте жадали держать (какому способу желали бы слѣдовать) въ томъ, да царская казна будетъ имала свое должные приходы, потребные къ обранѣ (къ оборонѣ) кралевства, и ко всякимъ общимъ разходомъ" [59]).

Эти экономическіе планы ученаго хорвата, скорбящаго о гибельномъ вліяніи пьянства на силы и богатство русскаго народа, говорятъ въ наши дни сами за себя. И какъ бы ни были малочисленны данныя соображенія, они вмѣстѣ съ вышеприведенными политическими мечтами ставятъ Крижанича въ то число избранныхъ, въ ту плеяду лучшихъ умовъ человѣчества, которымъ открыты тайны пониманія многихъ сторонъ сущности историческаго прогресса, пониманія, приближающаго этого убѣжденнаго славянина къ тѣмъ краснорѣчивымъ событіямъ, непосредственными современниками которыхъ мы являемся.

А. Георгіевскій.

---

[57]) Ibid. I, стр. 302—310, 325.
[58]) Ibid. I, стр. 325
[59]) Ibid. I, 310.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Вѣстникъ Образованія и Воспитанія» за 1914 г. № 9.

Казань. Центральная Типографія 1914 г.

2007050480